

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

УДК 325.25

АФГАНЦЫ В ЕВРОПЕ: ОТ ВИКТИМНОСТИ К АКТИВИЗМУ?

© 2025 **НОВИКОВА Ольга Николаевна**

Кандидат исторических наук.

Ведущий научный сотрудник, зав.

Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН

117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

E-mail: inionnovikova@gmail.com **ORCID ID** 0000–0001–8612–5012

Поступила в редакцию 30.10.2024

Принята к публикации 28.01.2025

Аннотация. В статье даны основные характеристики и раскрыты особенности функционирования афганской диаспоры в Европе в период после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» (организация признана террористической и запрещена в РФ) в августе 2021 г. Деятельность афганских мигрантов рассматривается через призму теории виктимности. Статус жертвы усилил сплоченность афганской диаспоры в Европе и привел к ее мобилизации. В статье представлена модель моральной типизации афганцев, в которой в роли высокоморальных жертв предстают целые сегменты афганского общества: женщины и девочки, хазарейцы, бывшие коллаборационисты в период иностранного присутствия и беженцы. В то же время члены афганских диаспоральных организаций выступают как высокоморальные акторы. В исследовании выявлено несовпадение целей афганских диаспоральных организаций и стран ЕС. Афганские иммигранты недовольны политикой государств – членов ЕС, главная задача которых – не интеграция афганцев в европейский социум, а возвращение их на родину. В работе указаны причины, по которым возвращение значимого числа афганцев на родину нереалистично. Вместе с тем социокультурная интеграция в европейский социум членов диаспоры сопровождается вовлеченностью в дела страны исхода.

Ключевые слова: афганская диаспора, транснационализм, виктимность, социокультурная интеграция

DOI: 10.31857/S0201708325010139

Взгляд на положение иммигрантов в принимающем обществе нельзя свести к простой дихотомии ассимиляции с отказом от культурно-цивилизационной идентичности и слияния с диаспорой в принимающем обществе при обособлении от но-

вого социального окружения. Для охвата всей совокупности разнообразных социальных отношений мигрантов применяется концепция транснационализма, которая не только подразумевает связи экономического и политического характера, но и подчеркивает важность культурных и религиозных контактов. В целом речь идет о возможности существования одновременно в двух пространствах: на своей родине и в принимающем государстве. В контексте статьи имеются в виду как материальные связи, так и духовные взаимовлияния, которые формируют взаимодействие афганцев в стране происхождения с соотечественниками в стране приема. В статье понятие афганской диаспоры охватывает всех афганцев независимо от этнической принадлежности (пуштуны, таджики, узбеки, хазарейцы и др.), вероисповедания (сунниты, шииты), языка или периода миграции. Другими словами, подразумеваются все афганцы в Европе.

В работах А. Портеса и М. Тедешчи [Portes, 2011; Tedeschi et al., 2022] раскрываются понятия транснационализма сверху и транснационализма снизу. Первый включает международные инициативы национальных правительств, структур ООН, международных организаций, корпораций, образовательных и религиозных организаций. В качестве примера можно привести разработку правительством Афганистана проекта Национальной политики по привлечению афганской диаспоры при поддержке Фонда развития Международной организации по миграции в 2019 г. Однако эта инициатива не привела к формированию единой стратегии многочисленных афганских министерств, которые занимались вопросами миграции и афганцев за рубежом.

К транснационализму снизу относится формальная и неформальная деятельность иммигрантских сообществ и диаспоральных организаций (ДО). Последние формируются в рамках диаспор и помогают наладить взаимодействие иммигрантов с принимающим государством особенно в процессах интеграции и делах помощи беженцам. Кроме того, ДО значимы для соплеменников на родине. Только в четырех странах Европы созданы 462 афганские диаспоральные организации: в Дании – 96, в Германии – 129, в Швеции – 133, в Британии – 104¹. Большинство из них были образованы после вывода основного контингента НАТО из Афганистана, который состоялся до 1 января 2015 г. После этого началась небоевая миссия НАТО «Решительная поддержка» (*Resolute Support*): силы численностью 12 тыс. чел. обеспечивали учебную подготовку, консультирование и содействие Афганским национальным силам безопасности². Массовый отъезд афганцев из страны происходил с 2010 по 2016 гг. После прихода «Талибана»³ к власти в 2021 г. начался отток тех, кто сотрудничал с коалиционными силами.

¹ Afghan Diaspora in Europe. Mapping engagement in Denmark, Germany, Sweden, and the United Kingdom. Danish Refugee Council; Maastricht Graduate School of Governance / UNU-MERIT. 2019. P. 5. URL: <https://pro.drc.ngo/media/ey5npizf/drc-study-afghan-diaspora-in-europe.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).

² Joint statement by the Islamic Republic of Afghanistan, NATO and Resolute Support operational partners. NATO. 02.12.2014. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_115587.htm (дата обращения: 25.10.2024).

³ Организация признана террористической и запрещена в РФ.

В середине 2020 г. за пределами страны проживали 5,85 млн афганцев¹. В европейских странах диаспоры отличаются крайней неоднородностью. Существуют различия на уровне поколений. Сплоченность афганских мигрантов старшего возраста базируется на этническом и религиозном факторах, которые для молодых менее важны. Молодежь больше нацелена на интеграцию, изучает местный язык и повышает уровень образования. Однако и представители старшего поколения, и молодые эмигранты не склонны отказываться от культурной, религиозной и этнической идентичности и привычного образа жизни. Молодые афганцы не только общаются с представителями диаспоры или с коренными жителями в процессе осуществления трудовых функций, но и с помощью Интернета развивают контакты с афганскими диаспорами в других странах. В некоторых государствах, например в Британии, хазарейцы с помощью социальной сети «Фэйсбук» (*Facebook*)² установили прочные связи с представителями этнической группы из Дании, Швеции и Австрии. Эти отношения оказались более тесными, чем с афганской общиной в Соединенном Королевстве. Связи с членами своего рода и/или этнической группы нередко оказываются прочнее, чем с диаспорой в целом. Таким образом, афганская идентичность не выступает организующей основой сообщества. Этнические группы во главу угла ставят защиту прав своих соплеменников, что подрывает единство как диаспоры, так и афганского государства³.

Значение прошлого и статуса жертвы для диаспоральных сообществ

Формированию чувства идентичности сообщества способствуют представления об общем прошлом. Кроме того, память может использоваться для решения проблем, связанных с неблагоприятной ситуацией в настоящем. В таком случае происходит мобилизация с целью вынудить аут-группу признать совершенные в прошлом преступления. Память о злодеяниях, поиски истины и справедливости в отношении актов насилия и ущемления прав в прошлом всегда имеют конфликтный характер. Коллективная травма выступает фокусом для активизации деятельности диаспор. Яркие примеры – роль Холокоста для еврейских диаспор и геноцида 1915 г. для армянских.

Триггером для мобилизации афганской диаспоры в Европе стал приход к власти талибов. ДО пытались повлиять на власти стран пребывания, чтобы убедить их не признавать талибов в качестве законного правительства Афганистана, а также оказать поддержку Фронту национального сопротивления, ведущему вооруженную борьбу против Кабула.

¹ Afghan migrants by sex, mid-2020. Global Migration Data Portal. URL: <https://www.migrationdataportal.org/infographic/afghan-migrants-sex-mid-2020#:~:text=Globally%2C%20an%20estimated%205.85%20million,cen%20of%20female%20international%20migrants> (дата обращения: 25.10.2024).

² Принадлежит корпорации «Мета» (*Meta*), признанной экстремистской и запрещенной в РФ.

³ Проводимая талибами исламизация афганского общества основана на идее ислама как всеобъемлющей гражданской идентичности, нейтрализующей опасность раскола страны по этническому принципу.

Афганская диаспора в Европе обвиняет талибов в нарушении прав человека. В период иностранного присутствия особое внимание уделялось защите прав женщин и девочек. К 2018 г. число студенток в университетах Афганистана выросло с нуля до 90 тыс. За последние двадцать лет доля женщин среди школьных учителей достигла 37%, среди преподавателей университетов – 15%. В 2019 г. девушки составляли половину студентов Кабульского университета¹. После образования Исламского Эмирата Афганистан в 2021 г. права женщин в области образования были резко ограничены. Другой особо угнетаемой группой считаются хазарейцы. Они воспринимают себя жертвами по этническому и религиозному (принадлежат к шиитскому направлению ислама) признакам. При талибах их дискриминация усилилась.

Для изменения статус-кво ущемленные в правах группы представляют себя жертвами несправедливости, выступают виктимизированными группами. «Виктимность означает повышенную способность (повышенные свойства) человека и определенной группы людей (общности людей) становиться при определенных ситуациях жертвами преступлений» [Емельянов, 2013: 241]. Другими словами, виктимность – это коллективная идентичность, сформированная на основе представлений о причинении ущерба группам людей, с которыми члены диаспоры себя ассоциируют. Виктимизация включает акты нанесения вреда. Обычно этнические или религиозные группы выставляют себя в роли жертв не только для соблюдения принципа равенства, но и для получения каких-либо привилегий.

Теория виктимности Т.А. Якоби предлагает общую последовательную траекторию конструирования идентичности, основанной на виктимности. Виктимизация начинается с момента причинения вреда. Реакция пострадавшей группы может быть двоякая: либо негодование, либо смирение с ситуацией. Если группа решила добиваться справедливости, то она должна обеспечить себе политическую поддержку, обнародовав акты ущемления прав в соответствующих терминах. С целью повлиять на решения властей некоторые группы начинают политическую мобилизацию, опираясь на нарративы, связанные с жалобами. В контексте исследования речь идет о протестной деятельности афганской диаспоры в Европе и встроенных в нее ДО, ощущающих себя жертвами. Т.А. Якоби считает, что поведение виктимизированных групп населения зависит от уровня развития демократии. Консолидация групп в демократических странах происходит мирным путем, в то время как в авторитарных ущемленные прибегают к насильственным методам и начинают консолидироваться вне существующих структур. Виктимизированные сообщества могут добиваться целей через политический процесс, преодолеть виктимность и интегрироваться. В таком случае они перестают быть жертвами. В то же время группы способны оставаться на последней стадии виктимности и зависеть от льгот, которые они получают благодаря статусу жертв [Jacoby, 2015: 527–528]. Публичные акции, мирные протесты ДО – попытка повлиять на страны Европы с демократиче-

¹ European Conference Diaspora Action for Afghanistan 15–16 May 2022. Brussels. Danish Refugee Council. 2022. P. 8. URL: https://www.vidc.org/fileadmin/michael/afghanistan/diaspora_konferenz_drc/drc_afghan-diaspora-conference-report_final.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

скими традициями и представить афганских мигрантов жертвами нового режима, чтобы добиться материальной помощи и политической поддержки.

Мобилизация диаспор часто бывает связана с насильственными событиями, которые нередко становятся причиной эмиграции. В августе 2021 г. афганцы, сотрудничавшие с оккупационными войсками, были вынуждены бежать из Афганистана. Одновременно афганцы испытывают обиду по отношению к европейцам, поскольку считают, что процесс эвакуации носил коммерческий характер: государства забирали тех, кто был им больше всего нужен, в основном представителей элиты. Кроме того, в европейских странах наблюдается дискриминация афганских беженцев по сравнению с сирийцами, иракцами, эритрейцами [Ruttig, 2017]. Украинцам уделяется больше внимания, чем афганцам, выходцам с Ближнего Востока и Африки¹ [Хорольская, 2022].

Несмотря на стремление беженцев из Афганистана добраться до Европы, подавляющее большинство принимают не европейские страны, а соседние государства, в которых уже официально зарегистрированы 2,1 млн. афганских беженцев. 90% из них осели в Пакистане и Иране², где проживают 7,5 млн афганцев. Что касается Центральной Азии, то «сценарий массовой эмиграции афганцев в северном направлении не реализовался во многом благодаря жесткой миграционной политике стран региона» [Шустов, 2022: 109]. С 2022 г. по 2023 г. потребность в расселении афганских беженцев в Европе увеличилась в три раза – с 96 тыс. до 273 тыс. человек. При этом за 2022 г. в страны Евросоюза реально переселился 271 человек, т. е. менее 0,1%. Даже попадая в Европу, афганские просители убежища и беженцы продолжают сталкиваться с препятствиями на пути к долгосрочной интеграции, к которым относятся «отказы и пограничные практики, которые лишают их доступа на территорию страны; препятствия для справедливых и полных процедур предоставления убежища, угрозу потери правового статуса или принудительного возвращения; а также длительное пребывание в похожих на тюрьмы центрах, которые препятствуют их интеграции в европейское общество»³.

«ЕС реагирует на изменения миграционной динамики, прежде всего, увеличением финансовых инструментов» [Ерёмина, 2022: 56]. Евросоюз разработал ряд концепций солидарности в сфере миграции, однако разнонаправленность государственных интересов европейских государств и их нежелание идти на компромисс препятствуют выработке и реализации согласованных решений [Потемкина, 2024].

Модель моральной типизации афганской диаспоры

Жертвы несправедливости и государство, осуществляющее насилие или ущемление прав, не укладываются в простую оппозицию «жертва – преступник».

¹ European Conference Diaspora Action for Afghanistan 15–16 May 2022. P. 28.

² Afghanistan Situation Update. UNHCR. 01.02.2023. URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/98620> (дата обращения: 15.09.2024).

³ Two years on: Afghans still lack pathways to safety in the EU. International Rescue Committee. 05.2023. P. 3. URL: <https://www.rescue.org/eu/report/two-years-still-no-safe-pathways-afghans> (дата обращения: 15.09.2024).

К. Грей и Д.М. Вегнер из Гарвардского университета предложили модель моральной типизации, которая выходит за рамки упрощенной схемы и предполагает существование четырех типов различных моральных статусов. Согласно этой концепции, люди (группы людей) делятся на акторов, совершающих действие, и пациентов (жертв), против кого это действие направлено. Поведение и тех, и других может быть моральным и аморальным. Наиболее выгодная стратегия – это представлять себя или свою группу не как морального актора, а как моральную жертву. Высокоморальные акторы не извлекают существенной выгоды из своего положения. Несмотря на удовлетворение, которое они получают от репутации, высокоморальные акторы страдают от неожиданно неприятного последствия своего статуса: к ним относятся не так, как к высокоморальным жертвам [Gray, Wegner, 2009: 519]. Последними предстают целые сегменты афганского общества: женщины и девочки, хазарейцы, бывшие коллаборационисты, беженцы.

Модель моральной типизации была подвергнута критике американскими исследователями Р. Билали и Дж.Р. Волхардом за то, что она не предусматривает переход из одной категории в другую. Например, албанские косовары, перестав быть диаспорой, стали притеснять сербское население [Bilali, Vollhardt, 2019]. Многие высокоморальные жертвы талибского режима, влившись в диаспору, превратились в высокоморальных акторов. Представители диаспоры, не проявлявшие большой активности до прихода талибов к власти в 2021 г., проводили акции протеста, митинги солидарности и информационно-просветительские кампании, организовывали общественные собрания, собирали средства и переводили ресурсы в Афганистан¹. Они также способствовали эвакуации гражданских лиц и их встрече в принимающих странах [Battiston, 2022: 31]. ДО считали вывод американских войск из Афганистана преждевременным и пытались донести до правительств стран проживания идею об особой уязвимости отдельных групп афганского населения. Диаспоральные организации добились признания хазарейцев в качестве уязвимой группы Канадой, Австралией и Британией².

Самые полезные виды деятельности диаспоральных организаций после смены власти в Кабуле – сбор средств и организация денежных переводов. Деятельность ДО финансируется из членских взносов и благотворительных пожертвований местных жителей. В кратчайшие сроки удалось увеличить количество кампаний по сбору средств путем телефонных обзвонів и использования крупных краудфандинговых платформ. До захвата власти талибами помощь иностранных доноров составляла 40% ВВП Афганистана. 75% государственных расходов страны обеспечива-

¹ О диаспоральной активности см.: *Diaspora Humanitarian Engagement in Afghanistan. Real-Time Review*. Danish Refugee Council. 15.08.2022. 65 p. URL: <https://www.pro.drc.ngo/media/cyemggud/diaspora-humanitarian-engagement-in-afghanistan-real-time-review.pdf> (дата обращения: 24.09.2024).

² *Diaspora Engagement Efforts in Afghanistan. Real-Time Review*. DEMAC – Diaspora Emergency Action and Coordination at Danish Refugee Council. 07.12.2021. P. 66. URL: <https://www.idiaspora.org/en/learn/resources/laws-and-policies/diaspora-engagement-efforts-afghanistan-real-time-review> (дата обращения: 21.09.2024).

лась также за счет международной помощи¹. После взятия Кабула США заморозили активы Центрального банка Афганистана (7 млрд долл.), которые хранятся в Федеральном резервном банке Нью-Йорка. Трансферты из Всемирного банка и Международного валютного фонда были прекращены. В результате за несколько месяцев ВВП страны сократилось на 30–40%².

Статус высокоморальной жертвы, как и высокоморального актора, сопряжен с издержками. Представление диаспоры о себе как о жертве означает, что она была неспособна справиться с вызовами в прошлом и, возможно, не сможет защититься от новых притеснений. Мобилизация диаспоры на основе обиды ухудшает отношения с другими группами, т. к. дискредитирует их с моральной точки зрения, поскольку статус жертвы подразумевает, что другая сторона выступает аморальным преступником. Следовательно, афганские диаспоры в европейских странах определяют себя жертвами не только в отношении режима талибов, но и правительств стран приема. Сотрудники Свободного университета Брюсселя С. Ластрего, П. Гриппа и Л. Ликата полагают, что негативный статус жертвы не очень эффективен [Lastrego et al., 2023: 826, 832]. Для афганской диаспоры наиболее выгодно находиться одновременно в статусах высокоморальной жертвы и высокоморального актора.

Возвращение мигрантов на родину

Афганские ДО считают содействие интеграции целью своей деятельности, что не совпадает с задачами Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, для которого с 1990-х репатриация является приоритетным направлением работы [Scalettaris, 2024: 31–32]. После свержения режима талибов и вторжения войск международной коалиции в Афганистан в 2001 г. западные страны ожидали, что члены афганской диаспоры начнут возвращаться на родину. В 2006 г. Международная организация по миграции инициировала программу «Временное возвращение квалифицированных граждан». Программа предусматривала временное возвращение членов афганской диаспоры Нидерландов для передачи навыков использования компьютеров частным лицами и сотрудникам организаций, создания новых курсов в рамках учебных заведений и строительства общежития для девушек при университете в провинции Бамиан [Kuschminder, 2014: 205]. Инициативу можно признать довольно успешной, но усилия участников не смогли компенсировать потери квалифицированных кадров, которые понесла страна за долгие годы вооруженных конфликтов, массовой эмиграции и «утечки мозгов».

Возвращение афганцев на родину не может носить массовый характер по многим причинам. Уехавшие обрели за границей безопасность. Некоторые хорошо

¹ Afghanistan. January 2022 Monthly Forecast. Security Council Report. 28.12.2021. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2022-01/afghanistan-15.php> (дата обращения: 29.09.2024).

² The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security. Report of the Secretary-General (A/76/667-S/2022/64 of 28 January 2022). P. 9. URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/sg_report_on_afghanistan_january_2022.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

устроились на новом месте. Кроме того, иммигранты имеют долгосрочные обязательства, например образование детей и выплата ипотеки. Для возвращения на родину важную роль играют перспективы трудоустройства. Часть членов диаспоры имеет неопределенный статус в стране проживания. В некоторых случаях жители Афганистана подозрительно относятся к вернувшимся, поскольку считают, что последние бросили родину в тяжелое время. Многие вынуждены остаться, чтобы поддерживать семьи, зависящие от денежных переводов. Кроме того, вернувшиеся афганцы вряд ли смогут удовлетворить потребности внутри страны.

Сомнительно, что возвращение в случае с Афганистаном – это конец миграционного цикла. Траектории миграции редко бывают линейными, а возвращение часто является лишь одним из этапов более широкой миграционного пути. Например, мигрант приезжает на родину с коротким визитом, чтобы посетить родственников или провести отпуск. Члены диаспоры осознают, что власти европейской стран нацелены на возвращение афганцев на родину, а не на вложение средств и усилия по интеграции. В 2019 г. Университет Организации Объединенных Наций – Маастрихтский институт экономических и социальных исследований в области инноваций и технологий провел исследования для Датского совета по делам беженцев, в ходе которого опрашивались члены афганской диаспоры в ФРГ. Респонденты критиковали практику возвращения и депортации тех, кто не смог получить убежище или нелегальных мигрантов, и рассказали, что по всей Германии регулярно проводятся акции протеста¹.

Берлинский альянс против депортаций в Афганистан утверждает, что «по всей стране существует сопротивление бесчеловечным действиям федерального правительства и призывает не мириться с тем, что федеральное правительство продолжает депортировать людей в Афганистан»². В Польше наблюдались случаи вытеснения беженцев из Афганистана на территорию Белоруссии³. Беженцы в Британии также выражают недовольство политикой страны. В феврале 2023 г. они собрались на Даунинг-стрит, протестуя против планов правительства переселить их с семьями из Лондона в Йоркшир. Ряд протестующих объявили о намерении забаррикадироваться в местах проживания и сопротивляться выселению. Речь идет об афганцах, которые сотрудничали с британской армией до взятия Кабула талибами в 2021 г.⁴

Заключение

Современная афганская диаспора в Европе находится в стадии мобилизации, демонстрируя одновременно статус высокоморальной жертвы и высокоморального

¹ Afghan Diaspora in Europe. P. 24.

² 11.02.2017: Demo gegen Abschiebungen nach Afghanistan, 13 Uhr Brandenburger Tor. Flüchtlingsrat Berlin. URL: https://fluechtlingsrat-berlin.de/news_termine/demo-gegen-abschiebungen-nach-afghanistan-13-uhr-brandenburger-tor/ (дата обращения: 29.01.2025).

³ Польские силовики вытеснили афганских беженцев на территорию Белоруссии. ТАСС. 27.02.2023 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17149805> (дата обращения: 03.01.2025).

⁴ Syal R. Afghan refugees protest against plans to move them from London to Yorkshire. The Guardian. 03.02.2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/03/afghan-refugees-protest-against-plans-to-move-them-from-london-to-yorkshire>. (дата обращения: 03.01.2025).

актора. Причина активизации деятельности – приход к власти движения «Талибан» в августе 2021 г. Возникает вопрос, могут ли афганцы, которые смогли интегрироваться в европейское общество, участвовать в делах своей родины. С точки зрения сторонников ассимиляции (такой подход характерен для Франции) это невозможно. Кроме того, главной задачей структур ООН, которые занимаются беженцами, выступает репатриация, а не интеграция. На уровне ЕС имеются существенные препятствия для мигрантов на пути к интеграции. Все более широкое распространение получает экстернализация¹ миграционной политики Евросоюза. Эта политика вызывает сомнения с точки зрения эффективности [Биссон, Потемкина, 2023: 87]. В отличие от Соединенных Штатов, где системы социального обеспечения и социальной помощи маргинализированы, европейские страны, такие как Нидерланды, Норвегия и др., располагают более надежной системой социального обеспечения. Иммигранты, которые получили искомый статус, менее зависимы от рынка труда в плане доходов и социального положения. Полученные от государства ресурсы, права на социальное обеспечение, жилье, образование и медицинское обслуживание могут быть использованы как для интеграции в общество, так и для транснациональной деятельности. Социокультурная интеграция в европейский социум может происходить параллельно с вовлеченностью в дела страны исхода. Этот вывод верен и по отношению к афганским иммигрантам и ДО в Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биссон Л.С., Потемкина О.Ю. (2023) Миграционный кризис в ЕС: версия 2.0? *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 4(36). С. 79–88. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics43320237988>

Биссон Л.С. (2018) Внешнее измерение миграционной политики ЕС: инструменты и выгоды. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 5. С. 21–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520182126>

Емельянов В.Л. (2013) Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики. *Известия Алтайского государственного университета*. № 2–1(78). С. 241–246.

Ерёмина Н.В. (2022) Афганский вызов для миграционной системы ЕС в условиях борьбы с пандемией. *Евразия. Эксперт*. Вып. 1–2. С. 52–57.

Потемкина О.Ю. (2024) Внутреннее и внешнее направления миграционной политики ЕС (декабрь 2023 – февраль 2024). *Европейский Союз: факты и комментарии*. № 115. С. 59–62.

Хорольская М.В. (2022) Политика Германии в отношении украинских беженцев. *Современная Европа*. № 7. С. 57–69.

Шустов А.В. (2022). Миграционные риски афганского кризиса. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 7. С. 106–116.

Battiston G. (2022) *The Afghan diaspora: Partners in the crisis response. Mapping of Afghan diaspora organizations in Italy and the prospects for their involvement in the humanitarian response in Afghanistan*. International Organization for Migration, Rome, Italy. 77 p. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/Diaspora-Afghana_0.pdf (дата обращения: 13.09.2024).

¹ «Экстернализация миграционной политики Европейского союза состоит во включении вопросов регулирования как законной, так и незаконной миграции во внешнюю политику Союза и практически во все форматы двусторонних отношений» [Биссон, 2018: 21].

Bilali R., Vollhardt J.R. (2019) Victim and Perpetrator Groups' Divergent Perspectives on Collective Violence: Implications for Intergroup Relations. *Advances in Political Psychology*. Vol. 40. Issue S1. P. 75–108. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12570>

Gray K., Wegner D.M. (2009) Moral Typecasting: Divergent Perceptions of Moral Agents and Moral Patients. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 96. No. 3. P. 505–520.

Jacoby T.A. (2015) A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 43. No. 2. P. 511–530.

Kuschminder K. (2014) Knowledge Transfer and Capacity Building Through the Temporary Return of Qualified Nationals to Afghanistan. *International Migration*. Vol. 52. Is. 5. P. 191–207.

Lastrego S., Grippa P., Licata L. (2023) How and why decolonial activists mobilize or challenge the victim status: The case of Belgium's Afro-descendants. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. Vol. 33(4). P. 824–834.

Portes A. (2011) Discussion: Transnationalism, migration and development reflections on the special issue. *International Development Planning Review*. Vol. 33(4). P. 501–507.

Ruttig T. (2017) Afghan Exodus: Afghan asylum seekers in Europe (3) – case study Germany. *Afghanistan Analysts Network*. 17.02. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/afghan-exodus-afghan-asylum-seekers-in-europe-3-case-study-germany/> (дата обращения: 13.09.2024).

Scalettaris G. (2024) *The UNHCR and the Afghan crisis: the making of the international refugee regime*. Berghahn Books, New York, USA. 314 p.

Tedeschi M., Vorobeva E., Jauhiainen J. S. (2022). Transnationalism: Current debates and new perspectives. *GeoJournal*. Vol. 87(2). P. 603–619.

Afghans in Europe: From Victimhood to Activism?

© 2025 O.N. Novikova

Ph.D. In History, Leading researcher

Head of the Department of Europe and America. INION RAS

51/21, Nakhimovskiy Ave., Moscow, Russia, 117418

E-mail: inionnovikova@gmail.com ORCID ID 0000–0001–8612–5012

Abstract. The article addresses the main characteristics and reveals the peculiarities of the Afghan diaspora in Europe. It examines the period after the Taliban came to power in Afghanistan in August 2021. The life activities of Afghan migrants are examined through the lens of the theory of victimhood. The significance of the past and victim status has increased the cohesion of the Afghan diaspora in Europe and led to its mobilization. The article presents a model of moral typecasting of Afghans, where entire segments of Afghan society are represented as “moral patients”: women and girls, Hazaras, former collaborators during the period of foreign presence and refugees. At the same time, members of Afghan diaspora organizations appear as “good moral agents”, often acquiring this status when moving from the category of “moral patients”. The paper reveals a mismatch between the goals of Afghan diaspora organizations and the host states of the European Union. There is dissatisfaction among Afghan immigrants with the EU policy, the main objective of which is not to integrate Afghans into European society, but to return them to their homeland. The article points out the reasons why the return of a significant number of Afghans to the country of origin seems unrealistic. At the same time, it is noted that members of the Afghan diaspora have an inseparable spiritual connection with their homeland. It seems that if socio-cultural integration of some Afghan diaspora members into the European society takes place, it is only with parallel engagement in the affairs of the country of origin.

Keywords: Afghan diaspora, transnationalism, victimhood, socio-cultural integration

DOI: 10.31857/S0201708325010139

REFERENCES

- Battiston G. (2022) *The Afghan diaspora: Partners in the crisis response. Mapping of Afghan diaspora organizations in Italy and the prospects for their involvement in the humanitarian response in Afghanistan*, International Organization for Migration, Rome, Italy. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/Diaspora-Afghana_0.pdf (accessed: 13.09.2024).
- Bilali R., Vollhardt J.R. (2019) Victim and Perpetrator Groups' Divergent Perspectives on Collective Violence: Implications for Intergroup Relations, *Advances in Political Psychology*, 40(S1), pp. 75–108. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12570>
- Bisson L.S., Potemkina O.Yu. (2023) Migracionnyj krizis v ES: versija 2.0? [Migration crisis in the EU: version 2.0?], *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*, 4(36), pp. 79–88. DOI: <https://doi.org/10.15211/analytics43320237988> (In Russian).
- Bisson L.S. (2018) Vneshnee izmerenie migratsionnoi politiki ES: instrumenty i vygody [External dimension of the EU migration policy: tools and profits], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 5, pp. 21–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520182126> (In Russian).
- Emelyanov V.L. (2013) Viktimnost' i viktimizaciya: ponyatie, vidy, problemy profilaktiki. [Victimhood and victimization: concept, types, problems of prevention], *Izvestiya Altai State University*, 2–1(78), pp. 241–246. (In Russian).
- Eremina N.V. (2022) Afganskij vyzov dlja migracionnoj sistemy ES v usloviyah bor'by s pandemiej [The Afghan challenge for the EU migration system in the context of pandemic control], *EurasiaExpert*, 1–2, pp. 52–57. (In Russian).
- Gray K., Wegner D.M. (2009) Moral Typecasting: Divergent Perceptions of Moral Agents and Moral Patients, *Journal of Personality and Social Psychology*, 96(3), pp. 505–520.
- Horol'skaja M.V. (2022) Politika Germanii v otnoshenii ukrainskih bezhencev [Horol'skaia M.V. Politics of Germany in relation to the Ukrainian refugees], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 57–69. (In Russian).
- Jacoby T.A. (2015) A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity, *Millennium: Journal of International Studies*, 43(2), pp. 511–530.
- Kuschminder K. (2014) Knowledge Transfer and Capacity Building Through the Temporary Return of Qualified Nationals to Afghanistan, *International Migration*, 52(5), pp. 191–207.
- Lastrego S., Grippa P., Licata L. (2023) How and why decolonial activists mobilize or challenge the victim status: The case of Belgium's Afro-descendants, *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 33(4), pp. 824–834.
- Portes A. (2011) Discussion: Transnationalism, migration and development reflections on the special issue, *International Development Planning Review*, 33(4), pp. 501–507.
- Potemkina O.Ju. (2024) Vnutrennee i vneshnee napravlenija migracionnoj politiki ES (dekabr' 2023 – fevral' 2024) [Internal and External Directions of EU Migration Policy (December 2023 – February 2024)], *European Union: Facts and Comments*, 115, pp. 59–62. (In Russian).
- Ruttig T. (2017) Afghan Exodus: Afghan asylum seekers in Europe (3) – case study Germany, *Afghanistan Analysts Network*, 17.02. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/afghan-exodus-afghan-asylum-seekers-in-europe-3-case-study-germany/> (accessed: 13.09.2024).
- Scalettaris G. (2024) *The UNHCR and the Afghan crisis: the making of the international refugee regime*, Berghahn Books, New York, USA.
- Shustov A.V. (2022). Migracionnye riski afganskogo krizisa [Migration Risks of the Afghan Crisis], *World Economy and International Relations*, 66(7), pp. 106–116. (In Russian).
- Tedeschi M., Vorobeva E., Jauhiainen J.S. (2022) Transnationalism: Current debates and new perspectives, *GeoJournal*, 87(2), pp. 603–619.